

Андреевский флаг над древним Босфором

Г.А. Гребенщикова

Из собрания ЦВММ

Российские корабли на рейде Константинополя. Неизвестный художник. XIX век

*До тех пор, пока подозрительные паруса будут маячить
у турецких берегов, русский десант домой не уйдет.
граф А.Ф. Орлов, 1833 год*

На протяжении более чем двух столетий дипломатические отношения России с Турцией (Оttоманской Портой) подвергались различным внешнеполитическим влияниям и развивались скорее в сторону непримиримости и вражды, чем дружбы. Обе державы рассматривали друг друга как давних соперниц на Черном море из-за права контроля над стратегически важными проливами — Босфором и Дарданеллами. Однако в истории взаимоотношений двух государств было два периода, которые являлись положительными исключениями как в военной, так и в государственной жизни России и Турции, взаимно обогатившими эти страны.

Первый, качественно новый этап в военном сотрудничестве между Россией и Турцией наступил при императоре Павле I, в период Наполеоновских войн, когда Россия в составе второй коалиции (Англия, Австрия, Россия, Турция и Королевство обеих Сицилий) воевала против Франции. Тогда, в 1798 году, произош-

© Г.А. Гребенщикова, 2007

ло важное событие: Черноморские проливы впервые открылись для прохода российских военных кораблей.¹ Это было связано с тем, что генерал Наполеон Бонапарт предпринял поход против Египта, входившего в состав Османской империи. Турции грозила потеря одной из крупнейших частей своих владений, что вынудило султана Селима III обратиться к Великобритании и России с просьбой об оказании военной помощи.

13(24) августа 1798 года эскадра Черноморского флота в составе 6 линейных кораблей, 7 фрегатов и нескольких малых судов под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова¹ вышла из Севастополя в Средиземное море. В сентябре 1798 года в Дарданеллах к ней присоединилась турецкая эскадра в составе 4 линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов и 14 крупных галер под командованием вице-адмирала Кедыр-бея. В результате совместных операций русского и турецкого флотов французы вынуждены были оставить важную стратегическую позицию в акватории Адриатического и Ионического морей — Ионические острова, и были вытеснены из восточной части Средиземного моря.

В XIX веке особое место в развитии русско-турецких отношений занял 1833 год, который без преувеличения, можно назвать уникальным явлением в диалоге России и Турции, феноменальным альянсом двух держав, закрепившим де-юре их дружеские отношения. В 1833 году силами Черноморского флота и войск была осуществлена беспрецедентная военно-морская операция, получившая название Босфорская экспедиция. Подобной акции за всю историю Российского флота не было. Впервые андреевский флаг развевался в Константинополе в течение пяти месяцев. По своему замыслу, масштабности и воплощению Босфорская экспедиция 1833 года была грамотным и своевременным политическим решением, в реализации которого главным инструментом являлся Черноморский флот.

В 1832 году внимание европейских государств оказалось прикованным к Османской империи. Энергичный и даровитый вице-король Египта Мехмет (Мухаммед)-Али, считавшийся подданным и вассалом султана Махмуда II, поднял восстание против своего сюзера. У Мехмета-Али Египетского было превосходно организованное и обученное войско, которым командовал способный полководец, его сын и наследник Ибрагим-паша. За лето 1832 года он нанес турецким войскам ряд сокрушительных ударов в Сирии и Малой Азии, совершил переход через Таврские горы и овладел крупной турецкой провинцией Конией. Путь на Константинополь был расчищен.

По соотношению военно-морских сил перевес также оставался за Мехметом-Али — в 1833 году его флот по численности превосходил турецкий. В состав египетского флота входили три 100-пушечных корабля, которыми командовали опытные английские и французские офицеры, один 120-пушечный корабль, один 74-пушечный, семь фрегатов, 20 бригов и 24 корвета. На стапелях находились один 130-пушечный и один 100-пушечный корабль.² К тому же египтяне захватили в Средиземном море солидные трофеи — турецкие суда, пополнившие флот Мехмета-Али: один 40-пушечный фрегат, два 14-пушечных брига и один 10-пушечный тендер.

По сообщению командира российского брига «Парис» капитан-лейтенанта И.П. Бутенева, который видел флот египетского паша на Корсике, Родосе и Кипре, египетские корабли были усовершенствованной конструкции и обладали хорошими мореходными качествами. В то же время, как позже заметили командиры судов с эскадры контр-адмирала М.П. Лазарева, состояние турецкого флота было «слабым». Русских офицеров тогда поразили «несоразмерно многочисленные команды, совершенное незнание ими морского дела, дурная пища, недостаток доверенности

¹ С 1774 года по условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора право прохождения через черноморские проливы имели только российские купеческие корабли. — Авт.

между начальниками, несовершенные суда устаревшей конструкции».³ В итоге положение сultана Махмуда оказалось катастрофическим — его армии практически не существовало, а флот не мог противостоять сильному противнику.

Это, поначалу внутреннее дело Турции и Египта, впоследствии повлекло за собой цепь серьезных последствий, самым непосредственным образом затронувших Черноморский флот, его дальнейшее развитие и финальный акт в ходе трагических событий Крымской (Восточной) войны 1853—1856 годов. Кроме того, сам факт пребывания черноморских эскадр и сухопутных десантных войск в столице Османской империи, подробности их жизни, взаимоотношения с турецкими властями, султаном и высшими сановниками, несомненно, представляют интерес не только с точки зрения изучения нашей военно-морской истории, но и в научно-познавательном смысле.

Восстание Мехмета-Али Египетского началось не стихийно, не являлось оно и случайно вспыхнувшим бунтом непокорного вассала. Оно было выгодно прежде всего Франции, так как у нее с Египтом существовали прочные экономические связи, а французские торговый и дипломатический представители пользовались тогда в Александрии большим влиянием. В случае победы Мехмета-Али на развалинах Османской империи, на берегах Босфора вблизи южных морских границ России возникло бы новое мощное государство с преобладающим влиянием там Франции, а, возможно, впоследствии и Англии.

Обладание ведущими морскими державами правом контроля над Проливами имело бы для России самые неблагоприятные и непредсказуемые последствия. После успешной русско-турецкой кампании 1828—1829 годов и выгодного Адрианопольского мирного договора российские торговые корабли получили право прохода через Босфор и Дарданеллы, за счет чего увеличились объемы экспорта зерновых и мануфактурных изделий. Постепенно это приводило к столкновению с британскими торговыми-экономическими интересами

в Персии, Афганистане и в Восточном Средиземноморье.

Низкие цены на один из главных предметов российской внешней торговли — хлеб — способствовали падению сбыта английской пшеницы на традиционно сложившихся восточных рынках. В правящих кругах Великобритании появились опасения роста влияния России на Персию, а после заключения взаимовыгодного русско-персидского торгового договора позиции России в ближневосточном регионе значитель-

*Адмирал
М.П. Лазарев,
командовавший
эскадрой
Черноморского
флота во время
экспедиции
в Босфор
в 1833 году*

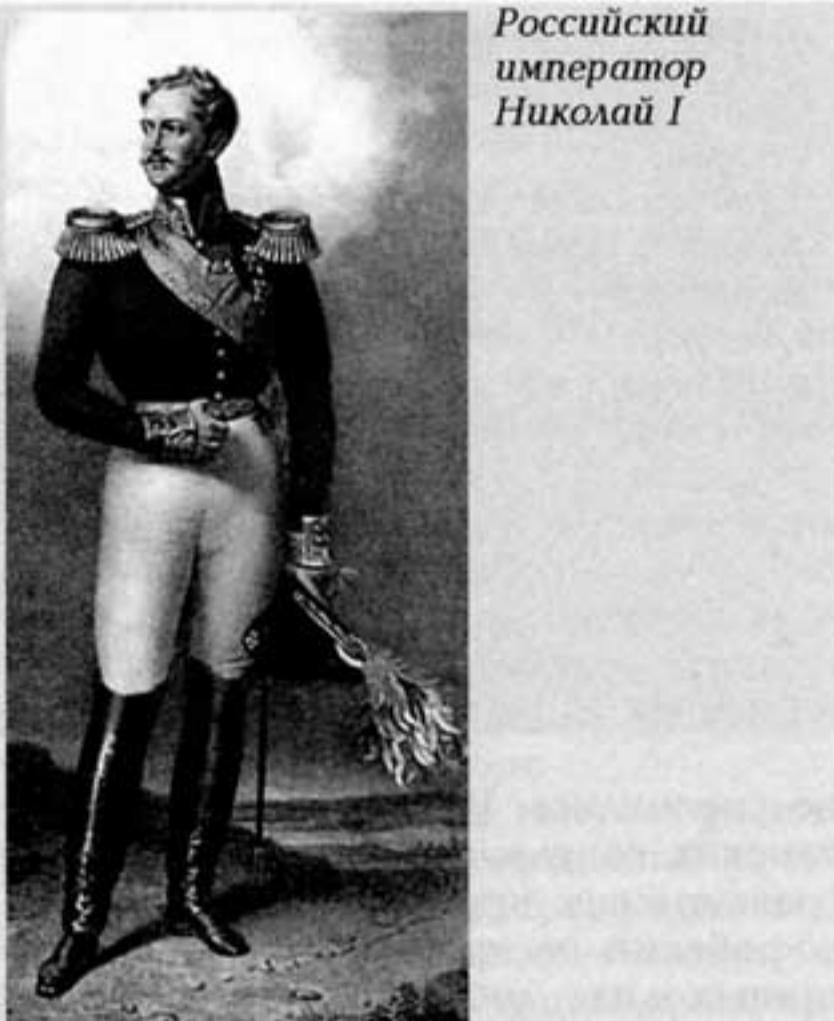

но упрочились. В ответ в высших британских государственных, военных и гражданских кругах усиливались русофобские настроения. В парламенте происходило лоббирование собственных интересов группировками, выступавшими за увеличение расходов на флот в связи с вероятной войной с Россией. Английское правительство усилило средиземноморскую эскадру, базировавшуюся на Мальте.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки среди документальных материалов, имеющих отношение к экспедиции Черноморского флота в Босфор, есть маленькая записка (без подписи) такого содержания: «Вскоре после Наварина в Англии стали обнаруживаться первые признаки опасений на счет боевой силы русского флота как будущего соперника англичан в восточных водах Средиземного моря. Однако появление русского флота на Босфоре в 1833 году было решено

по соглашению с Англией, опасавшейся преобладания Франции в Египте».⁴

Но в конце 1832 — начале 1833 года Англия вынуждена была отвлекаться на решение сложных внутриполитических проблем с Ирландией. К тому же среди влиятельных лиц государства было много политиков, дипломатов, министров, промышленников, настроенных против турецких, и им совсем не хотелось, чтобы в случае падения Турции французский капитал беспрепятственно хлынул на Босфор. Министр иностранных дел Ве-

Российский император Николай I

ликобритании лорд Дж. Г. Пальмерстон также явно опасался франко-египетского альянса и прямо заявлял о том, что «хозяйка Индии не может позволить Франции превратиться в хозяйку путей в Индию».

И все же Англия не стала оказывать помощи Турции. Король Вильям IV ограничился лишь тем, что направил султану Махмуду послание со словами поддержки и обещанием не оставлять его в беде, при этом рекомендуя идти на некоторые уступки своему вассалу. Тем временем казалось, что дни одряхлевшей Османской империи сочтены. Трон султана шатался под воздействием различных разрушающих сил, в столице усиливалось недовольство населения,

а в армии — брожение. Командующий же египетской армией Ибрагим-паша имел достаточный авторитет и влияние среди мусульман, и его сторонники решили прибегнуть к беспроигрышному способу — сыграть на их религиозных чувствах. Командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В. Розен сообщал военному министру графу А.И. Чернышеву: «Мехмет-Али-паша явно разглашает, что главная цель его — восстановить славу мусульман и отомстить за постыдный для них мир, заключенный султаном с Россиею. По всей вероятности, слухи сии распространяются им для того, чтобы более склонять к себе народ, исполненный фанатизма и ненависти к иноверцам, особенно к русским».⁵

В Петербурге, напряженно наблюдая за ходом борьбы между Турцией и Египтом, приняли единственно верное в тех условиях решение — предложить турецкому султану военную помощь. Современные историки полагают, что «Николай I с готовностью принял предложение султана», имея в виду просьбу турецкого султана к российскому императору об оказании военной помощи по аналогии с 1798 годом.⁶ Однако в одном из писем генерала Н.Н. Раевского есть такие строки: «После занятия Ибрагимом-пашой большей части территории Сирии (Яффы, Дамаска, Конии), Султан искал посредничества Англии»⁷.

Очевидец босфорских событий князь Ф.В. Сакен писал Новороссийскому губернатору графу М.С. Воронцову: «Когда узнано было, что Россия предложила Порте помочь, то английский и французский посланники, явясь к Султану, советовали ему, чтобы он не принял сие предложение, ибо в противном случае это будет знаком войны, и что они берут на себя быть посредниками к примирению Султана с Пашию».

Первоначально султан действительно просил именно Англию оказать ему военную и финансовую помощь, но так и не получил ее. Николай I, в свою очередь, не беспочвенно опасался за дальнейшую судьбу Адрианопольского мира. Вначале не султан обратился к российскому императору с просьбой о помощи, а император сам предложил

ее султану. 10 июня 1832 года российский канцлер К.В. Нессельроде сообщил начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову о приказе Николая I об отзывании из Александрии генерального консула. Одновременно капитанам всех русских купеческих кораблей было приказано не оказывать мятеjhому паше продовольственной и военной помощи. 6 июля главный командир Черноморского флота и портов адмирал А.С. Грейг объявил высочайшее повеление по флоту.

В 1869 году в Москве были опубликованы воспоминания командующего сухопутным десантным отрядом в Константинополе в 1833 году генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, получившие высокую оценку современников и немногих оставшихся в живых участников и очевидцев Босфорских событий. В мельчайших подробностях Муравьев воспроизводит события 1833 года, разворачавшиеся вокруг подготовки и проведения экспедиции кораблей Черноморского флота и войск в столицу Османской империи, дает характеристику некоторым высшим турецким сановникам, описывает нравы, обычаи, местный колорит жизни турок. В своих записках он указывает, что для выполнения ответственной миссии в Константинополе выбор Николая I пал именно на него, поскольку он хорошо знал турецкий язык и это значительно облегчало выполнение важного поручения. Н.Н. Муравьев также должен был посетить Александрию и провести переговоры с египетским пашой Мехметом-Али, склонив его к прекращению военных действий против султана.

Император вручил Н.Н. Муравьеву собственноручное письмо, адресованное Махмуду II, в котором называл себя «врагом возмущения и верным другом султана». При этом Николай I сказал следующее: «Султан ко мне очень милостив, и я хочу ему показать свою дружбу. Надобно защитить Константинополь от нашествия Мехмет-Али... Помни же, как можно более вселять Турецкому султану доверенности, а Египетскому паше страху. Конечно, трудно получить согласие султана на участие

мое в делах его. Мне также предлагали постороннее участие, когда Польша взбунтовалась, но я не принял ничьих предложений, и сам управился».⁸

5 декабря 1832 года на 44-пушечном фрегате «Штандарт» Н.Н. Муравьев покинул Севастополь. Поздним вечером 8 декабря они подошли к Босфору, однако не решились ночью входить в пролив из-за опасения по ложным береговым огням посадить фрегат на мель. Местные жители специально зажигали огни на берегу, чтобы таким способом привести корабли на камни, а после крушения их разграбить. 9 числа «Штандарт» бросил якорь в заливе Буюкдере, недалеко от дома российского посланника Апполинария Петровича Бутенева.

На следующий день состоялся прием у Рейс-эфенди (министра иностранных дел), которому Н.Н. Муравьев передал копию письма Николая I к султану, после чего А.П. Бутенев прямо объявил «о вооружении Черноморского флота и готовности его двинуться на помощь Султану по первому требованию».⁹ Прием у султана Махмуда был назначен на 15 декабря, а Муравьев тем временем рассуждал: «Странные события! Россия, природный и давний враг Турции, поддерживает падающее царство сие, и Турция должна положить лучшие свои надежды на Россию!».

Во время аудиенции у султана Николай Николаевич вручил ему подлинное письмо Николая I и сказал, что на словах император просил передать турецкому владыке, что он — «враг мятеjжа и друг вашего величества. Если паша станет продолжать военные действия, то он будет иметь дело с Россией». Однако султан и высшие турецкие сановники, встретив предложения российского представителя с недоверием и сомнениями, не спешили давать ответ.

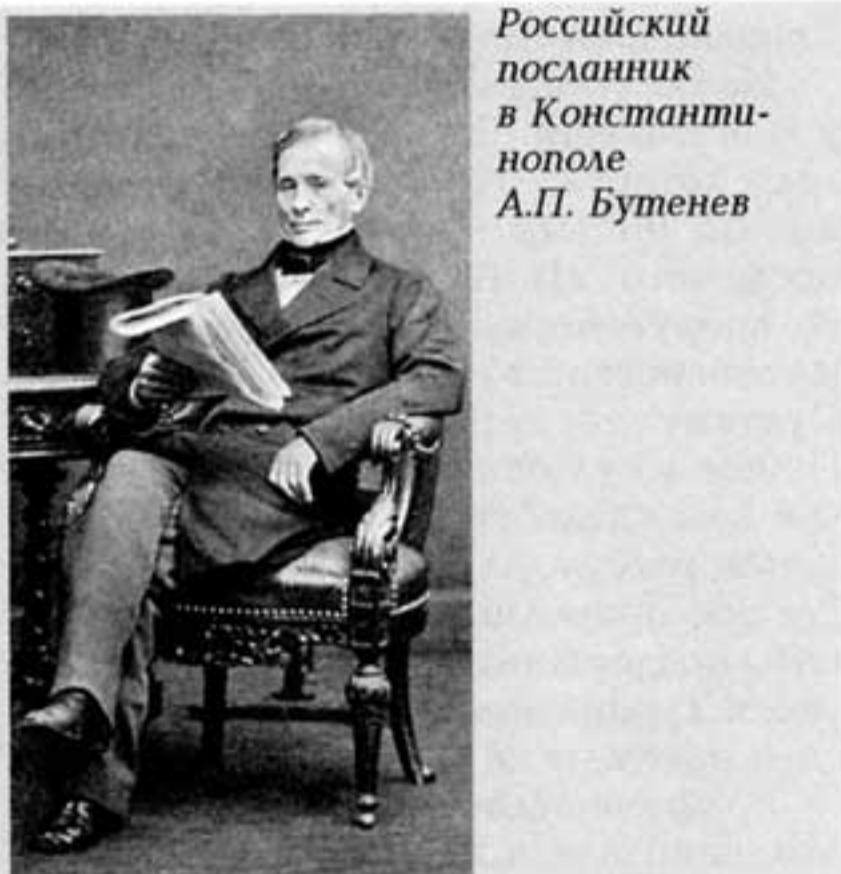
Между тем 16 декабря на имя главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга поступил высочайший рескрипт о немедленном вооружении и снабжении четырех кораблей и трех фрегатов со всеми запасами (запасные рангоут, такелаж и паруса, пресная вода, продовольствие и прочее) на шестимесячное плавание

для помощи турецкому правительству.¹⁰ Командование эскадрой поручалось начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу М.П. Лазареву, а в качестве резервной предусматривалась еще эскадра вице-адмирала П.И. Рикорда, находившаяся в Средиземном море, в акватории греческого Архипелага. Оттуда до сведения правительства Николая I стала доходить тревожная информация о том, что представители греческого населения, недовольные турецким господством, искали контактов с Ибрагимом-пашой. Для России такой внешнеполитический расклад, с усиленiem мусульманского влияния в Гре-

доложил в Петербург, что хранящейся в портовых магазинах морской провизии хватит для снабжения флота только на три месяца, однако корабли могут выйти в море и с такими запасами. Провизию же в Константинополь можно будет подвозить на транспортных судах. Министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщил в Николаев, что на финансирование экспедиции император распорядился выдать около одного миллиона рублей ассигнациями в счет сметы 1834 года, и около двух тысяч червонцев.¹¹

Экспедиция готовилась в обстановке глубокой секретности. Чтобы не вызывать подозрений, в Севастополе намеренно был распространен слух, что флот снаряжают для отправления к берегам Кавказа. В начале 1833 года положение Турции резко изменилось к худшему: командовавший египетскими войсками Ибрагим-паша совершил быстрый бросок к Дарданеллам, разбил высланные против него основные сухопутные силы турок и захватил в плен главнокомандующего турецкой армией верховного визиря. В конце января Главный морской штаб получил сообщение российского посланника А.П. Бутенева о том, что «мятежники египетского паша приближаются к столице Османской, что от скорого прибытия нашего флота зависит участь Константинополя». Только тогда турецкий султан официально обратился к России за помощью и, как сообщал Бутенев, просил передать в Петербург, чтобы «ежели не вся эскадра, то по крайней мере часть оной поспешили прибытием».¹²

Тем временем в столице Османской империи с каждым днем становилось все более неспокойно. Среди жителей поползли слухи о скором нашествии «бедуинских ведетов», население охватывала паника. В первые дни атмосфера всеобщего смятения и страха политический тон в Константинополе пытался задавать французский посланник, барон Альбин-Рейн Руссен, ведя с султаном Махмудом двойную игру. На словах он уверял турецкого владыку в том, что Франция предпринимает попытки остановить наступательные

Российский
посланник
в Константи-
нополе
А.П. Бутенев

ции, был совершенно невыгоден. Восстание египетского паша взбудоражило и крымских татар, среди которых стали распространяться песни и пророчества о скором прибытии к ним армии Мехмета-Али.

М.П. Лазареву предписывалось, чтобы в случае возникшей необходимости, например входа египетского флота в Дарданеллы, он принял участие в морском сражении на стороне турецкого флота и разгромил флот египтян. В таком случае посланник в Константинополе А.П. Бутенев должен был дополнительно выдать ему еще восемь тысяч червонцев из сумм, находившихся в распоряжении миссии. В конце декабря 1832 года адмирал А.С. Грейг

действия Ибрагима-паши, тогда как на самом деле она этому всячески способствовала. В конечном итоге, сомнения и колебания турецкого султана в пользу Франции или России лишь способствовали подрыву его собственного авторитета и усиливали смуту в самой Турции. Махмуд II уже не думал о защите столицы — речь шла о судьбе его престола, опасность которому стала грозить изнутри. В столице усиливалось брожение, укрепления в Дарданеллах оказались в руках ненадежных гарнизонов, которые с легкостью могли сдать крепости без боя.

Генерал Н.Н. Муравьев вспоминал: «Султан, предвидя неминуемую гибель свою, отверг льстивые и обманчивые обещания французов и решился, наконец, предаться покровительству России.

Он убедительно просил А.П. Бутенева прислать за флотом и ходатайствовать у Государя о присылке 20- или 30-тысячного корпуса сухопутных войск. Бутенев тогда же исполнил желание Султана, писал о том адмиралу А.С. Грейгу и послал нарочного в Петербург. Все министры, окружавшие Султана, колебались. Султан один оказался твердым, и так как муфтий (верховная духовная особа) противился изданию всенародного объявления о необходимости прибегнуть к покровительству России и не хотел признавать законности такой меры, то Султан сменил его другим».

Первоначально к походу в Босфор предназначалась только одна эскадра из девяти кораблей Черноморского флота и экипажем в количестве 4684 человека.

Состав эскадры Черноморского флота, подготовленной для экспедиции в Босфор в 1833 году¹³

Количество орудий	Наименования кораблей	Командиры
<i>Корабли</i>		
84	«Память Евстафия», флагманский контр-адмирала М.П. Лазарева	Капитан 1 ранга Аристарх Конотопцев
84	«Императрица Екатерина II»	Капитан 1 ранга Лаврентий Черников
84	«Чесма»	Капитан 1 ранга Федор Юрьев
84	«Анап»	Капитан 1 ранга Григорий Пилетников
<i>Фрегаты</i>		
60	«Варна»	Капитан 2 ранга Анастасий Сунди
60	«Эривань»	Капитан 2 ранга Александр Ушаков
60	«Архипелаг»	Капитан 2 ранга Константин Богданович
<i>Корвет</i>		
24	«Сизополь»	Капитан-лейтенант Петр Вукотич
<i>Бриг</i>		
20	«Пегас»	Капитан-лейтенант Иван Аркас

Из приказов командующего эскадрой Черноморского флота контр-адмирала М.П. Лазарева

№ 7

Первый отряд военных судов, назначенный под начальством моим к отправлению в море, находится почти в готовности. Я рекомендую господам командирам судов с сего числа наблюдать каждое утро действия корабля «Память Евстафия» и следя оному, к 8 часам (ежели погода позволит), подняв брам-реи, отдавать паруса, обучать нижних чинов пушечной экзерциции, брать рифы и крепить паруса.

6 января 1833 года

№ 19

С завтрашнего числа перебраться [всем] на суда, соблюдая при том, чтобы нижние чины отнюдь не брали с собой рухляди и тулуз, и дозволять им брать только короткие полушубки, и то не новые, кои бы можно было носить под фуфайкой, и по миновании холодного времени выбросить как вещи, нечистоту в себе сохраняющие.

№ 38

Дошло до сведения моего, что многие офицеры на кораблях вверенной мне эскадры имеют собственные самовары, которые с огнем носят по каюта姆 и даже на кубрик. Для отвращения пожара свезти самовары на берег... Для желающих пить чай назначается греть на кухне воду на каждом судне в одном большом казенном чайнике, так, чтобы ежедневно поутру с 7 до 9, а пополудни с 5 до 7 часов чайник тот всегда готов был с горячою водою, которую и должны получать все для чаю, не исключая самого меня и командиров. Наблюдать, чтобы после описанного времени воды для чаю уже даваемо не было.

ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. Картон 5. № 2. Л. 126 – 128.

Генерал
Н.Н. Муравьев,
командовавший
десантным
отрядом
во время
экспедиции
в Константино-
поль в 1833 году.
С гравюры
на дереве
Л.А. Серякова

Утром 14 января вся эскадра выстроилась на рейде. На флагманском корабле «Память Евстафия» подняли флаг командующего, в тот же день туда прибыли все офицеры штаба. 17 января М.П. Лазарев сигналами пригласил к себе мичманов для бесед и оглашения приказов, а несколько человек офицеров на транспортах «Редут-Кале» и «Кит» были отправлены в Одессу, к Новороссийскому и Бессарабскому губернатору графу М.С. Воронцову для ведения переговоров по поводу фрахтования купеческих судов для перевозки десантных войск. В ответ Воронцов сообщил, что о купеческих судах он будет выяснять очень аккуратно и осторожно — так, чтобы не привлекать постороннего внимания. В таком оживленном и многолюдном порту, как Одесса, найти владельцев купеческих кораблей,

согласных за хорошие деньги перевезти войска в Турцию, было не так трудно, намного сложнее было сохранить в тайне сам факт их поиска. Но совсем невозможным представлялось скрыть от всеобщего внимания и любопытных одесситов погрузку на суда почти пятитысячного десантного отряда.

22 января, в 10 ч утра главный командир Черноморского флота адмирал А.С. Грейг провел кораблям и экипажам депутатский смотр, на котором командиры доложили о готовности судов к выходу в море. 2 февраля 1833 года, в 7 ч 30 мин эскадра снялась с якоря. С севастопольской крепости ей отсалютовали семью пушечными выстрелами, на что с флагманского корабля отвечали тем же числом. Построившись в две кильватерные колонны, эскадра вышла в море. М.П. Лазареву выдали копии журнала плавания эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова в Черном и Средиземном морях за 1798–1800 годы, в которых содержались записи об обмене салютами между русскими и турецкими судами во время прохождения мимо босфорских и дарданельских укреплений. В журнале, например, есть запись о том, что 10 сентября 1800 года с корабля, на котором находился вице-адмирал Ф.Ф. Ушаков, «было салютовано летнему султанскому дворцу при личном присутствии сultана 31 выстрелом с прокричанием шести раз "Ура". При этом нижние чины, поставленные по вантам и по шкафутам, делали честь

ружьем и били полный поход с играинем на трубах».¹⁴

Тем временем после почти двухнедельного пребывания в Александрии и проведенных переговоров с египетским пашой генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев возвращался в Константинополь. Сразу же бросалось в глаза «дурное состояние Дарданелльских укреплений», о чем он немедленно сообщил турецким властям. Муравьев вспоминал: восьмого февраля «мы вдруг узнали, что эскадра наша показалась у верховья Босфора. Часа через два после известия из-за горы, закрывающей верхнюю часть пролива, явился в залив Буюкдере величественный корабль с русским флагом. Вслед за ним плыл другой, третий, и в самое короткое время залив покрылся военными судами, которые бросили якорь перед нашим дворцом, в виду английской и французской миссий».

Интересно отметить, что российские моряки столкнулись с совершенно неожиданным для них обстоятельством. При подходе эскадры к Босфору про-

изошел случай, позволивший взглянуть на намерения турецкого султана с иной стороны. Вначале Махмуд II разрешил М.П. Лазареву подойти только к устью Босфора, но ни в коем случае не входить в него. К кораблю «Память Евстафия» подошла шлюпка с чиновниками службы береговой охраны Босфора. Они просили его не входить в пролив без разрешения султана, на что Лазарев им отвечал, что эскадра под его командованием идет как раз именно по желанию султана, и что вообще он не может с достоверностью положиться на их слова, а потому отвергает их требование.

Министр иностранных дел Турции дал указание предоставить российскому посланнику А.П. Бутеневу турецкий пароход для того, чтобы он смог приостановить вступление эскадры в Босфор, однако пароход оказался неисправным. Тогда турки хотели заменить его «мореходным катером», но опоздали. В сложившейся ситуации контр-адмирал Лазарев поступил так, как поступали морские офицеры если не

Панорама Константинополя в начале XVIII века. Гравюра на меди

Миссия Императорского российского посольства в Константинополе

было другого, более веского оправдания уклонению от выполнения нежелательной просьбы — он сослался на ветер. В 11 ч 30 мин пополудни корабли вошли в пролив. В четверть второго эскадра встала на якоря на Буюкдерском рейде.

Н.Н. Муравьев пишет: «Внезапное появление наших судов крайне поразило турок, а недружелюбные нам миссии

едва верили тому, что у них перед глазами происходило. Грозные союзники султана навестили владения и столицу его в самый день праздника мусульман Байрама, когда с открытием новой луны они располагали в беззаботности предаться пресыщению и увеселениям всякого рода после утомительного воздержания».

Из приказа командующего эскадрой Черноморского флота контр-адмирала М.П. Лазарева

№ 70

Имея сведения, что в Константинополе существует зараза, я для предохранения судов вверенной мне эскадры от внесения (чего Боже сохрани) сей болезни, когда встретится надобность посыпать для чего-либо к берегу гребное судно, то строжайше запрещать людям брать что-либо оттуда без ведома офицера. Внушить всем и каждому из нижних чинов, что зараза сообщается только прикосновением и, следовательно, для собственного спасения своего они должны стараться избежать всякого на берегу с кем-либо сообщения.

ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. Картон 5. № 2. Л. 130.

Ситуация в турецкой столице осложнилась с появлением первых признаков чумы, что по времени совпало с приходом туда Черноморской эскадры.

М.П. Лазарев воспользовался этими неблагоприятными обстоятельствами для проведения разъяснительных бесед с личным составом эскадры, убеж-

дая матросов в опасных последствиях, которые могли произойти после самовольного отлучения на берег. Польза от таких бесед, несомненно, была: на эскадре поддерживалась безукоризненная дисциплина. Тем не менее в архивной документации встречаются сведения о редких случаях побегах матросов, денщиков и слесарей, которые «уходили за водой к Буюкдерскому фонтану» и, воспользовавшись тем, что сопровождавший их офицер отвлекался на посторонние предметы, умудрялись сбегать.¹⁵

После прихода русских кораблей дом посланника А.П. Бутенева в Буюкдере посетила турецкая делегация. Среди высоких гостей находились военный советник султана и командующий Босфором Ахмет-паша, начальник канцелярии и министр иностранных дел Рейсэфенди, а также военный губернатор Константинополя, управляющий Военным министерством сераскир Хозрев-паша. От имени султана Махмуда они выразили «полную признательность за милостивое и великодушное внимание Государя императора». Однако после обмена любезностями от имени султана последовала настойчивая просьба — как можно скорее покинуть Босфор, чтобы не раздражать египетского пашу. По словам турецких представителей, мирные переговоры, начавшиеся с Мехметом-Али, близились к завершению, и египетская армия приостанавливала наступательные действия. Русской эскадре было предложено на некоторое время уйти в Сизополь и, отстаиваясь там в полной боевой готовности, вовремя прийти на помощь Турции, если такая помощь вообще потребуется.¹⁶

В донесении начальнику ГМШ князю А.С. Меншикову Лазарев писал, что, видя нерешительность турецкого правительства и дальнейшие успехи Ибрагима-паша, он «так и не решился оставить Константинополь 18 и 19 числа, когда дули благоприятные ветры. Что, как казалось, вовсе не было противно желанию Порты, тем более что она явно видит ту пользу, которую пребывание российской эскадры доставляет ей в переговорах своих с Мехметом-

Али, и сколь много способствует оно к сохранению того порядка и тишины, которыми пользуется ныне многолюдная их столица».

Лазарев не решился оставить Константинополь еще по одной причине. Российские представители видели явную растерянность и нерешительность турецкого султана. Махмуд II продолжал сомневаться в вопросе о том, принять ли ему помочь от Николая I или же положиться на уверения французского посла А. Руссена, который обещал склонить египетского пашу к примирению с Портой на предложенных ему условиях. Причем уверения посла сопровождались еще и прямыми угрозами: «ежели турецкое правительство не откажется от предлагаемого содействия Россией, то французская эскадра войдет в Дарданеллы и будет способствовать Ибрагиму-паше продолжать свои завоевания».¹⁷

Итак, эскадра осталась в Буюкдере. Флагманский корабль «Память Евстафия» сделался излюбленным местом посещения высших турецких сановников, которые с интересом наблюдали ежедневные учения матросов и распорядок жизни на корабле. Вскоре после прихода эскадры на рейд Буюкдере, высокопоставленные турки «с любопытством осматривали все углы корабля, как бы проверяя разнесшиеся слухи о том, что в трюмах судов скрывалось 15 тысяч солдат. Когда гостям показали устроенный в корабле иконостас, то сераскир, невзирая на всеобщее неуважение мусульман к нашим образам, поклонился».

Турецкий султан распорядился доставить на российскую эскадру угощения:

«Для Адмирала и господ офицеров: 10 ящиков вина, шампанского, Бордо и Мадеры; 10 украшенных корзин с турецкими конфетами и фруктами. 40 или 50 голов сахара. 50 или 60 голов сыру швейцарского и голанского;

Для нижних чинов:

6 больших бочек вина виноградного, 4 бочки рома, 10 бочонков соленой рыбы. 90 пудов сыра ординарного. Несколько корзин разных свежих фрук-

тов. 55 быков. 200 баранов. 12 катков с живою птицею».¹⁸

Вскоре на эскадру поступила информация, что антисултанские группировки намереваются организовать поджоги на российских кораблях. Все командиры судов немедленно получили приказ об организации усиленной ночной и дневной караульной служб, о повышении бдительности во время несения ночных вахт, а также о вооружении от каждого корабля одного гребного судна для патрулирования. На таких гребных судах всегда должны были находиться: полный комплект ружей с боевыми патронами, сигнальные ракеты, фонари и специальные приспособления с цепями, предназначенные для отбуксиро-

вания брандеров. В середине февраля 1833 года высокопоставленные российские офицеры осматривали константинопольское Адмиралтейство. Вскоре после этого в Петербург срочной курьерской почтой была отправлена депеша с точным указанием корабельного состава Турецкого флота.

Кроме того, Михаил Петрович не оставил без внимания инженерные инновации турок в области кораблестроения. Турция, как оказалось, благодаря помощи французских инженеров, достигла значительных успехов в строительстве кораблей больших размеров. Посещение Адмиралтейства завершилось неофициальным визитом к кипу-дан-паще.

Из приватного письма начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову от его адъютанта капитан-лейтенанта Л.М. Серебрякова

19 февраля 1833 года

Тагир-паша^{*} пригласил нас в дом свой на приготовленный пышный обед, убранством стола и блюдами в самом лучшем европейском вкусе, прибавя к оным и азиатских кушаний. Всех блюд было до 120. Обедая с нами, он вместе с тремя своими контр-адмиралами пили всех сортов напитки. Когда налили шампанское, адмирал Лазарев и мы первые провозгласили за здоровье султана. При этом паша, показывая большое сожаление, что мы предупредили его намерение пить наипервее за здоровье нашего государя, тотчас же провозгласил за здоровье нашего императора, соблюдая за все время вежливость и ласку ко всем нам как самый лучший образованный европейский хозяин дома.

Любезность и ласка Тагира-паши объяснялись отчасти тем, что египетские войска приближались к Смирне, сокращалось число преданных сторонников султана, а большинство жителей турецкой столицы с нетерпением ожидали прихода войск египетского паша. В городе появились слухи (пока что смутные и неясные) о выходе из Александрии мощного флота египтян.

В конце февраля адмирал Лазарев в сопровождении офицеров штаба и командиров кораблей по приглашению того же Тагира-паши посещал константинопольский Монетный двор. В знак величайшей благодарности за присланную эскадру султан приказал в их присутствии выбрать оттиски золотых и серебряных медалей. Впоследствии генералы и адмиралы получили золотые медали с бриллиантовой россыпью, штаб-обер-офицеры и «прочие чиновники» — золотые, матросы — серебряные.

Из письма командующего эскадрой Черноморского флота контр-адмирала М.П. Лазарева своему другу капитан-лейтенанту в отставке А.А. Шестакову^{}**

7 июля 1833 года

В моей [медали] один камушек порядочный, и ценят ее до 12 000 руб., но мне что-то не верится. На одной стороне вензель султана и год по-турецки, а на другой луна со звездою и год написан обычными цифрами (1833). Медаль выбита при мне на монетном дворе. Чеканка дурная, но зато золота много — не дураки ли турки, выбили медали, в которых весу по 46 червонцев!...

* Командующий турецким флотом. — Авт.

** Алексей Анатольевич Шестаков, отец будущего управляющего Морским министерством (с 1882 по 1888 г.) адмирала И.А. Шестакова. — Ред.

Награды, которые вручались участникам экспедиции в Константинополь в 1833 году: большая турецкая золотая медаль с бриллиантами для адмиралов и генералов (слева), серебряные медали для русских (в центре) и турецких солдат (справа)

Великолепный обед, данный мне Тагир-пашою, состоял из смеси европейских блюд с турецкими, которых насчитал 112! Стол убран был французской бронзой, фарфором и цветами, накрыт был на европейский манер, и странно было видеть неловкое обращение турок с ножами и вилками. Пить же научились порядочно, и шампанское тянут лучше нашего. Великолепных сих обедов был не один, но главнейший был дан сераскиром и еще раз Тагиром же пашой по приказанию султана на трехдечном корабле Махмут. Тагир старый мой знакомый (наваринский), он имел флаг свой на двухдечном фрегате и разбит был с Азова в числе некоторых других.

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 775. Л. 26–27.

Позже, уже после прихода в Босфор сухопутных войск, выяснилось, что для всех медалей требовались ленты длиной до 5120 аршин (3686 м) на сумму 14 080 руб. Николай I распорядился «потребное количество лент заготовить на счет казны, истребовав нужные для сего деньги из Государственного казначейства».

Впоследствии золотую наградную медаль с бриллиантами получили военный министр А.И. Чернышев, посланник

в Турции А.П. Бутенев и генерал-адъютант Николая I граф А.Ф. Орлов. Всего было отчеканено 176 золотых медалей, из которых восемь — с бриллиантами.

Император приказал носить медали на красной ленте в петлице ниже имевшихся остальных медалей, генералам же разрешалось носить медали на шее.

В силу занимаемой должности командующий сухопутными силами генерал Н.Н. Муравьев был обязан принимать у себя высоких турецких сановни-

ков. Их полагалось не только угождать приличным обедом, но еще и дарить им подарки. Понятно, что такие дорогостоящие приемы Муравьев финансировал не из своего собственного кармана — все расходы оплачивала российская миссия в Константинополе. Из числа наиболее приятных сувениров туркам больше всего по душе приходились табакерки, золотые и серебряные часы, перстни, меха и чай.

Самый же дорогой подарок — перстень с сапфиром — обошелся миссии в 1038 руб.

Из посольской казны оплачивались и многие другие расходы, связанные с пребыванием флота в Буюкдере. Среди финансовых документов миссии встречаются расписки М.П. Лазарева в получении денег, его прошения на имя А.П. Бутенева о предоставлении новых сумм из-за крупных расходов, связанных с закупкой продовольствия для личного состава эскадр, и другие. Известно, что на содержание одного офицера отпускалось по 40 испанских талеров в месяц, всего же за 4 месяца из сумм миссии в распоряжение Лазарева было отпущено 29 190 одних только испанских талеров. Кроме этой валюты и, соответственно, турецких пиастров в Константинополе была в хождении так называемая звонкая монета — голландские червонцы, которых для нужд эскадры получили на сумму 655 тыс. 618 единиц.¹⁹ В посольской казне существовала еще и особая экстраординарная сумма, которая предусматривала покрытие непредвиденных или чрезвычайных расходов, как это было в случае с бригом «Пегас». Бриг, лавируя в проливе при свежем встречном ветре, недалеко от берега случайно бушпритом врезался в турецкий дом. Ущерб был не такой значительный, однако хозяин дома оценил убыток в 5 тыс. турецких пиастров, которые немедленно ему были выданы.

Приход русской эскадры в Босфор побудил западные державы предпри-

нять активные попытки ускорить завершение турецко-египетского конфликта с целью добиться скорейшего ухода русских кораблей. Французская дипломатия взяла на себя роль посредницы в переговорах Александрии с Константинополем. Барон Руссен передал Мехмету-Али согласие турецкой стороны на уступки Египту части территории Сирии, но тот потребовал земли вплоть до Адана, а флот готовился идти прямо к Дарданеллам.

Турецкий министр иностранных дел Рейс-эфенди в письменной форме уведомил А.П. Бутенева о срочном выведении эскадры из Босфора и следовании ее в Сизополь. Генерал Н.Н. Муравьев пишет, что он «никогда не видел рассудительного и скромного Бутенева в таком негодовании, как он был при получении сей ноты. Бутеневу неприятно было видеть изменчивую политику Порты и наглость турецкого правительства, отвергавшего таким образом испрошенное пособие». Н.Н. Муравьев указывает и на «возраставшую надменность французов, хвалившихся влиянием, приобретенным ими в Порте». На этот раз уже не морскому офицеру контр-адмиралу М.П. Лазареву, а дипломату А.П. Бутеневу предстояло сделать свой нелегкий выбор — либо следовать строжайшему предписанию Николая I в том, чтобы не навязывать Турции вооруженной помощи, либо «допустить дерзкие разглашения французов, что они выслали флот наш из Босфора».

Апполинарий Петрович, обладавший большим дипломатическим опытом работы на Востоке, с блеском вышел из затруднительного положения.* Он отправил Рейс-эфенди ответную ноту, смысл которой сводился к следующему. Он не отказывался от данного обещания отправить эскадру в Сизополь с первым попутным ветром, но в то же время и не принимал ноты, в которой упоминалось об участии постороннего

* Генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев называет это дипломатическим подвигом А.П. Бутенева, который высшее начальство так и не оценило, и поэтому он остался незамеченным. Последствия же такого шага для перевеса в сторону усиления влияния России на Порту и ослабления французских интриг были очень существенными. — Авт.

посланника (в данном случае французского) во внутреннем деле Турции и России. Он добавил, что ему говорить об этом вообще «не прилично после великодушия, оказанного государем, и что призыв эскадры и возвращение ее зависят от одного султана». Бутенев был настолько выведен из равновесия, что приказал вернуть ноту Рейс-эфенди, а в случае, если тот откажется принять ее обратно, то бросить бумагу к турецкому министру прямо на софу. Рейс-эфенди был изумлен столь смелым поступком русского дипломата. Он отвечал, что к «сочинению» ноты не имел никакого отношения, а имя французского посла в ней «упоминалось без всякого умысла».¹⁹

Успех российской миссии был, однако, недолгим. Войска сына египетского паша полководца Ибрагима продолжали наступательные действия, и в турецкую столицу пришла тревожная информация из Смирны. В связи с ожидавшимся приходом египетских войск и отряда конницы (по некоторым сведениям, до 500 всадников) все консулы европейских держав спустили флаги на консульских домах в знак непризнания власти египетского паша. Турецкое правительство объявило о созыве государственного совета, на который был приглашен французский дипломат.

Утро 26 февраля 1833 года встревожило М.П. Лазарева. Он увидел, что три турецких корвета, вытянувшись на рейде, стояли в полной готовности к выходу в море. Михаил Петрович не-

медленно отправился с визитом к турецкому адмиралу и предложил ему помочь в виде предоставления кораблей российской эскадры (в том случае, если турецкий флот намеревался куда-либо идти). Однако кроме обычной учтивости и общих фраз он ничего не услышал — предложение было вежливо отклонено. В российском посольстве вскоре узнали, что Англия и Франция послали своих уполномоченных к Мехмету-Али с требованием о прекращении военных действий и соглашением на условия Порты. После этого уже сам султан стал настойчиво предлагать русской эскадре при первом же южном ветре немедленно покинуть Буюкдере и следовать в Сизополь. Но каково же было удивление султана, когда его поставили в известность, что затребованные им же самим 5 тысяч русских войск уже посажены в Одессе на корабли с приказом отправляться в Константинополь, и их прибытия ожидали со дня на день.²⁰

Из рапорта командующего эскадрой Черноморского флота контр-адмирала М.П. Лазарева начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю А.С. Меншикову

Возвратилась из Александрии французская шхуна «La Mesange», отправленная французским посланником к Мехмету Али с требованиями о прекращении военных действий и принятии мирных предложений Порты. Мехмет Али отринул все требования как Порты, так и французского посла и решил искать беззаконных прав своих (требуя во владение всю Сирию) силой оружия, а потому он послал тогда же повеление Ибрагиму-Паше, чтоб он возобновил военные действия, двинулся на Бруссу и потом старался овладеть крепостями на Азиатском берегу Дарданелл. Турецкий флот, бывший в Дарданеллах, возвратился в Константинополь. Некоторые полагают, что он отзван, потому что турецкое правительство опасается, чтоб при появлении египетских войск у Дарданелл не передался бы он в руки Ибрагима-Паши.

*Начальник
Главного
морского штаба
генерал-
адъютант
князь
А.С. Меншиков*

Большинство турецких министров стали решительно склоняться к намерению свергнуть с престола султана Махмуда и удалить от него преданных людей, в числе которых оставался начальник Босфорских укреплений Ахмет-паша. Противники султана хотели отправить его в Петербург под предлогом личного выражения благодарности императору Николаю I за оказанную помощь. Они не могли простить Ахмету-паше слов, сказанных им в период, когда решался вопрос об уходе эскадры Лазарева в Сизополь. В беседе с русскими офицерами Ахмет-паша тогда выразил надежду на то, что «ветер не переменится, то есть не подует с юга, и ваши суда не возвратятся в Сизополь. Но если бы и подул ветер с Мраморного моря, то мы ему поставим преграду против султанского дворца в Чарагане, чтобы этот ветер не дошел до ваших кораблей».

В распоряжении султана оставалось 8000 человек преданных ему гвардейцев, под защитой которых в случае захвата египтянами турецкой столицы он намеревался бежать в Адрианополь и ждать помощи от России. Николай I предполагал тогда двинуть на Константинополь корпус генерала П.Д. Киселева, дислоцированный в Валахии. Известие о ситуации в Смирне побудило Петербург действовать более решительно. Николай I уже официально заявлял о том, что он отправляет в Турцию десантные войска, которые «вместе с эскадрой, посланные на помощь султану по его настоятельной просьбе, останутся в Босфоре до тех пор, пока Ибрагим не очистит Малую Азию, не перейдет обратно за Тавр и пока египетский паша не удовлетворит всем требованиям Порты».

Он отдал приказ об ускоренной отправке в Босфор дополнительных военно-морских сил, и 24 марта в Константинополь пришла вторая эскадра, под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани в составе двух 84-пушечных кораблей «Императрица Мария» (флагманский; командир капитан 1 ранга Г. Папахристо) и «Адрианополь» (капитан 1 ранга А. Катенич), одного 74-пу-

шечного — «Пармен» (капитан 1 ранга С. Антипа) и 60-пушечного фрегата «Тенедос» (капитан 2 ранга А. Тугаринов).

Кроме того, в состав эскадры М.Н. Кумани входили четыре транспорта и семь зафрахтованных купеческих судов, которые приняли в Одессе десантные войска и казаков в количестве 5500 человек, а также артиллерию и лошадей.

2 апреля 1833 года в Петербург ушла информация М.П. Лазарева о том, что Ибрагим-паша, признавая себя подданным турецкого султана, согласился прекратить военные действия и очистить занятые им провинции. Взамен Ибрагим-паша просил уступить Египту часть Сирии и область (пашалык Аданский) в Анатолии, объясняя это тем, что в пашалыке заготовлено большое количество корабельного леса для египетского флота. Турецкое правительство согласилось на уступку земель в Сирии, однако всю Анатолию намеревалось оставить за собой.

К этому сообщению Лазарев не преминул добавить и такие строки: «Несмотря на все происки французского посла, нельзя не заметить, сколь сильно действует в пользу Порты при мирных ее переговорах с Ибрагим-пашою присутствие победоносного войска нашего и грозный вид Российского флота в Босфоре. Более же всего решительное объявление посланника нашего воли Государя Императора, что доколе египетские войска не очистят Анатолию, до тех пор как российские войска, так и флот не оставят Босфора».²¹

Итак, политический маятник на Востоке снова качнулся — на этот раз в пользу султана. Несмотря на то, что разногласия между ним и членами государственного совета окончательно не прекратились, Махмуд II вновь стал проявлять признаки благосклонности к русским. 2 апреля на эскадрах и в воинском лагере встречали Светлое Христово Воскресенье. Послушав праздника Пасхи утром все генералы, адмиралы и штаб-офицеры сухопутного и морского ведомств собрались к обедне в посольской церкви, где присутствовал и дипломатический корпус во главе

с А.П. Бутеневым. Для многих офицеров это был особо торжественный день, так как встречали Пасху на мусульманском Востоке, в чужих краях, без

родных и семей. После божественной литургии и окончания службы в доме Бутенева состоялся обед с присутствием членов иностранных миссий.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева*

Праздник провели в лагере с возможным соблюдением обрядов закона нашего и отечества. Султан приветливостью своею достиг высшей степени утонченности, которую только можно было ожидать от мусульманина. По случаю наступившей Пасхи он поздравил войско с праздником присыпкою с особенным чиновником яиц, множество сыра и большого количества архипелагского вкусного и крепкого вина, похожего на мадеру, которое солдаты несколько дней пили вместо квасу. Для офицеров прислано большое количество съестных припасов, сластей разного рода и несколько ящиков шампанского. Кроме того, Махмуд подарил войскам мясной порции живым скотом — в таком количестве, что на каждого человека досталось около шести фунтов говядины. Но скот этот, по словам чиновника, доставившего наличные припасы, еще собирался с жителями в окрестностях Никомидии. Стадо пригнали к нам только через несколько дней...

При частых сношениях наших с турецким правительством и посещениях лагеря иностранцами трудно было соблюсти все правила строгости. Многие оскорблялись ими, в особенности дипломатические чиновники европейских миссий, любопытствовавшие видеть стан наш, и не столь покорные, как турки. Предпринятые средства способствовали устранению многих праздношатающихся в Константинополе иностранцев, коих присутствие в лагере считал я излишним. Офицеры отпускались в Царьград с большей разборчивостью и очень редко. Мы оградились, кроме того, от внесения другой заразы, слишком часто удручающей молодых людей, склонных к разврату.

8 апреля 1833 года Главный морской штаб уведомил М.П. Лазарева о том, что император назначил генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова своим личным представителем и чрезвычайным послом в Константинополе, одновременно поручив ему командование морскими и

сухопутными силами в Босфоре, с правом поднятия кайзер-флага (на его белом поле «в верхней четверти к флагштоку» был изображен российский герб) на его корабле. На будущее такой флаг предназначался для всех чрезвычайных послов.²²

Из письма начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова командующему эскадрой Черноморского флота контр-адмиралу М.П. Лазареву

Граф Орлов отправляется к вам в качестве чрезвычайного посла с полной доверенностью государя, сосредотачивая в себе начальство сухопутных и морских сил. Он человек русский, прямой и благородный. Будте с ним на окровенной ноге, и он будет во всех случаях готов содействовать к пользам флота.

Командующему отрядами судов в Константинопольском проливе контр-адмиралу М.П. Лазареву предписывалось поступить в полное распоряжение А.Ф. Орлова, а во время «отдачи графу воинских почестей кораблями и караулами — салютовать семнад-

цатью выстрелами и бить поход». На А.Ф. Орлова было возложено общее руководство политикой правительства Николая I в Босфоре. Он был наделен обширными полномочиями, включая военно-дипломатические. К примеру, он имел право объявлять войну, откры-

* Муравьев Н.Н. Русские в Босфоре в 1833 г. — М., 1869. — С. 282—295.

вать военные действия силами флота и войск и заключать мир.

В начале апреля Египет выдвинул Турции новые, более жесткие требования. Теперь Мехмет-Али претендовал уже не на часть, а на всю территорию Сирии и требовал Адан с прилегающими областями в Анатолии. Турецко-египетский конфликт, таким образом, вступил в новую fazу, и Турция окон-

Чрезвычайный и полномочный посол в Константинополе в 1833 году генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов

чательно сделала ставку на присутствие войск и «грозный вид Российского флота в Босфоре».

12 апреля в Буюкдере пришла третья эскадра, под флагом контр-адмирала О.И. Стожевского в составе: 110-пушечного корабля «Париж» (флагманский; командир капитан 1 ранга Г. Польский),

двух 84-пушечных — «Пимен» (капитан 2 ранга Я. Шостенко) и «Пантелеимон» (капитан 2 ранга С. Эсман) и 74-пушечного «Иоанн Златоуст» (капитан 2 ранга А. Ушаков) с двумя бомбардирскими кораблями, одним транспортом, 11 купеческими судами, трехмесячным провиантом, госпитальными материалами и десантом из 4777 человек.

Общее количество русских военных судов, сосредоточенных на Буюкдерском рейде, достигло теперь 18. Вслед за третьей эскадрой в Буюкдере пришли пароходы «Метеор» и «Громоносец», специально посланные на помощь парусным судам для маневрирования. Сухопутный десант был высажен на азиатском берегу в местечке Терапия, где войска расположились лагерем недалеко от английского и французского посольств.

Интересно отметить, что оба посла лично наблюдали высадку русских войск, общее количество которых, вместе с турецкой гвардейской конницей (105 человек), турецким батальоном (520 человек) и артиллерийской ротой (96 человек), доходило до 11 тыс. человек. Командование сухопутными силами было возложено на генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, морскими — на контр-адмирала М.П. Лазарева.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева

Лагерь наш расположен был на высотах в несколько линий. Правый фланг задней линии тянулся к морю и упирался к мысу Сельви-Бурну. Левый покрывал вершину знаменитой горы Великанов, а передние линии располагались на уступах покатости, склоняющейся к прелестной долине Ункяр-Искелесси, или Султанской.

В конце долины до селения, где располагалась квартира моя, тянулись по берегу моря купы огромных яворов необыкновенной красоты. Деревья сии так велики, что когда войска вышли на берег еще без палаток, то в дупле одного из этих яворов расположился батальонный адъютант со своей канцелярией. Густые ветви и зелень их доставляли тень и прохладу в жаркие дни... Палатки были разбиты среди лавровых кустов. Солдаты предохраняли себя от зноя солнечных лучей, покрывая легкие жилища свои ветвями лавра. Шатры украшались миртом и цветами, собираемыми в поле. Вид лагеря был прелестный, и из каждой точки открывались восхитительные виды во все стороны. Гору Великанов, высочайшую по всему берегу Босфора, можно назвать ключом позиции нашей. Нам необходимо было занять ее, но я не решался сделать этого без согласия турецкого правительства, потому что на вершине горы была мечеть при гробнице, называемой мусульманами могилой пророка Яушэ, от которого и гора называется по-турецки Яушэ-даг...

Солдатам были выстроены бани, по вечерам пели песни, собирались играть в городки, чехарду и тому подобное, что поддерживало в людях бодрость и веселый дух... Добрые отношения между нашими войсками и турецкими со дня на день

усиливались, так что турецкие солдаты хаживали к нашим в палатки посидеть и потолковать о разных предметах на языках, взаимно им не известных, довершая объяснения знаками. В некоторых случаях солдаты наши даже скрывали от начальников вину турок, как своих товарищ... В кавалерии я избрал себе двух всадников в ординарцы. Один был турок, второй эфиоп с отвислыми губами. Он был выбран по наружным достоинствам, составляющих красоту этой породы. Его одели в уланский мундир Новоархангельского полка, коего белый воротник и лацканы, соответствовавшие яркой белизне его зубов, составляли разительную противоположность с черным цветом лица. Обоим оставлены были на головах красные фески. Они даже переняли солдатское щегольство наше надевать сие шапочки набекрень. Я послал их в таком виде представляться Султану, которому нисколько не показалось странным, что мы переодевали людей его войска на свой образец... Турки охотно повиновались мне. Впоследствии даже взыскивалось за отлучки без позволения из лагеря в деревню. Один турецкий офицер, мусульманин, был посажен мною на гуптвахту за нетрезвость, и наконец выгнан из лагеря за дурное поведение.

Одно из обыкновений турецких офицеров были длинные чубуки. Старшие из военачальников не могли обойтись без слуг, носивших за ними орудие курения как некую хоругвь. Для отвращения этого я обратил на это насмешки. «Турецкую армию, — говорил я, — погубили длинные чубуки». Чубуки укоротились, иные заменили трубки сигарами. Медленная походка, даже вне службы, при встрече со мною тотчас ускорялась. Некоторые из них приписывали природной лени своей все неудачи. Неджиб-паша*, обвиняя соотечественников своих в бездействии, порочил влечение их к созерцательности и отдыху (кейфу). Сам же он предавался в квартире своей пристрастию к крепким напиткам, принимаясь с раннего утра за водку, которую он пил штофами. Оправдываясь в нарушении закона Пророка, он называл ее не водкою, а ангеликою — по имени растения, которым ее настаивал.²³

Ежедневно в лагере и на эскадрах шла подготовка к большой войне. Из-за близости египетских войск к турецкой столице нарастало всеобщее напряжение, а вице-король Египта отвергал все предлагаемые ему условия мира.

Тем временем Петербург направил в Константинополь специального нарочного курьера с секретной почтой, в которой содержалось предписание М.П. Лазареву и Н.Н. Муравьеву в целях воспрепятствования вероятного прохода египетского флота в Черное море продумать возможность удержать за русскими войсками Босфорские замки на обоих берегах. В случае же военного переворота в турецкой столице и всеобщего восстания объединенные морские и сухопутные силы должны были немедленно захватить Дарданеллы.

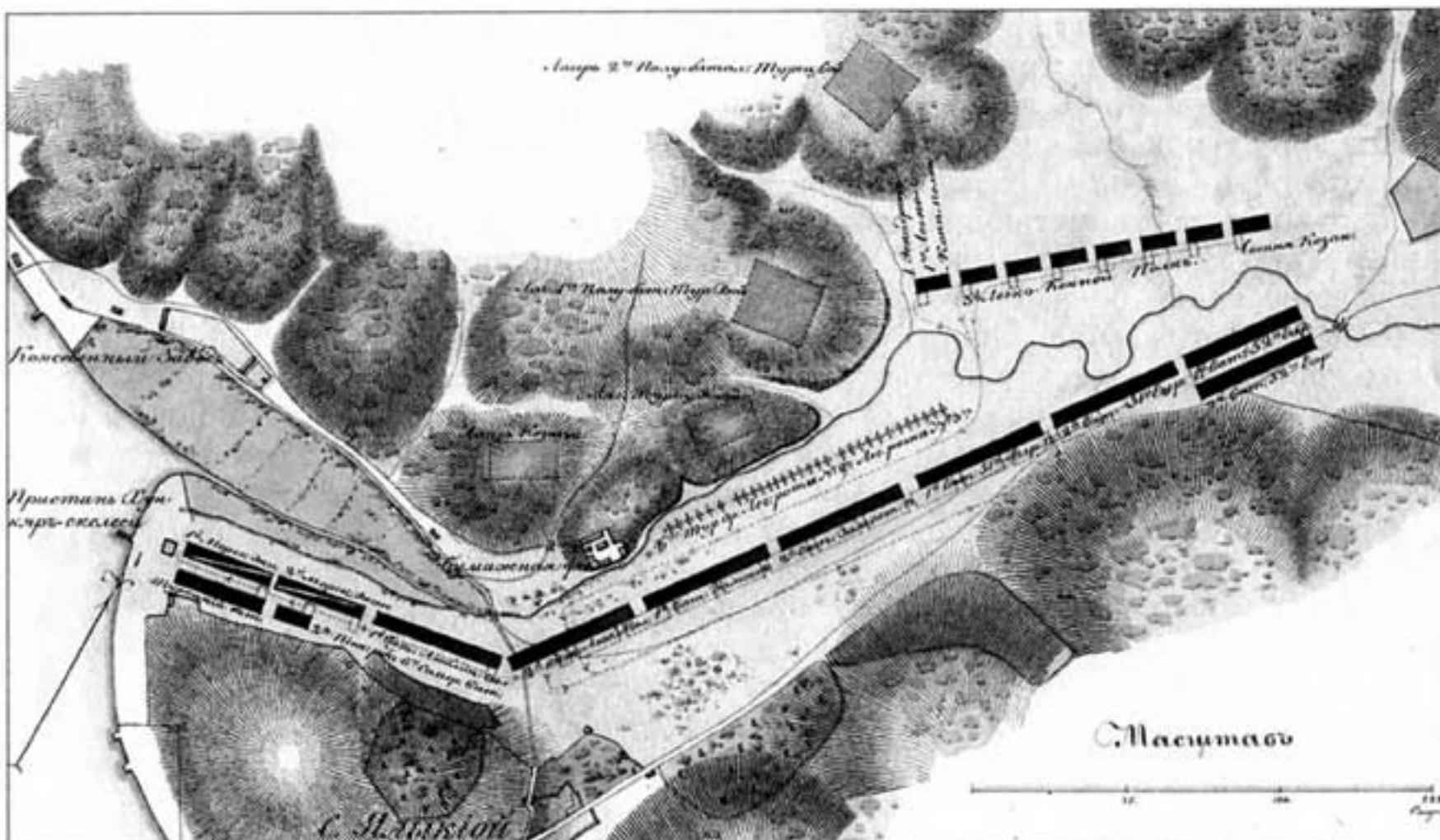
Николай I поручил графу М.С. Воронцову в дополнение к трем инженерам, находившимся в войсковом лагере, отправить из Одессы в распоряжение генерала Муравьева еще роту солдат и двух опытных офицеров-инженеров для производства береговых оборонительных работ.²⁴

Одновременно командованию российскими военно-морскими силами стало известно, что султан Махмуд изъявил желание устроить торжественный смотр десантным войскам. Никогда еще местечко Терапия на азиатском берегу Босфора, где располагался сухопутный лагерь, не было таким оживленным, как 15 апреля 1833 года. В этот день к 11 часам утра на пристани собирались приглашенные гости, чиновники дипломатических миссий, адмиралы, штаб- и обер-офицеры.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева

Почти все европейские дамы желали видеть это любопытное зрелище. Для дам были назначены особенные офицеры, которые должны были принять их на берегу,

* Бригадный генерал.

Диспозиция русских войск под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева во время парада в присутствии турецкого султана Махмута II. 15 апреля 1833 года

отвести к месту и занимать разговорами. Войска были выведены и выстроены на определенных местах. В строю находилось 8 батальонов высадного войска с 24 орудиями и казачьей командой, 2 сводных батальона матросов, турецкий гвардейский отряд, легко-конный гвардейский полк. Всего 11 батальонов пехоты, 7 эскадронов конницы, 30 орудий и сотня казаков. Матросы стояли выше сухопутных. Надлежало приискать место для турецкого батальона, который пользовался правом старшинства по званию гвардейского. Мне не хотелось поставить его выше наших, но с другой стороны надобно было соблюсти сию вежливость в отношении султанских войск. Турецкий батальон был поставлен отдельно, лицом к головному батальону матросов — так, что султан, подъезжая к нашему правому флангу, встретил левый фланг своей гвардии...

День был прелестный, но очень жаркий. Лучи солнца отражались на богатом шитье, которым украшались одежды европейцев и азиатцев. Собрание это ежечастно оживлялось прибытием новых лодок с посетительницами и, наконец, целого парохода с дамами. Вокруг толпы водили богато убранных турецких жеребцов. Зрелище было необыкновенное, разговоры на всех языках не умолкали. Между тем султан не ехал. Наши войска ожидали его в порядке, но турецкие не выдержали усталости, и солдаты стали садиться на своих местах... Пушечная пальба с батарей возвестила о приближении Махмуда II. Когда лодка его поравнялась с фрегатом «Штандартом», ему салютовали 21 выстрелом из полевых орудий. На пристани султана встретили Сераскир-паша, Ахмет-паша, Тагир-паша с чиновниками Порты. С нашей стороны принимал его посланник Бутенев, все адмиралы, командиры кораблей и прочие офицеры...

Махмуд подъехал к флангу и был встречен музыкой. Ему отдали честь, и едва он успел вполголоса поздороваться вытвреженными по-русски словами «Здорово, ребята», как ему громко отвечали: «Здравия желаем, Ваше Султанское Величество!». Затем поднялся громкий крик «Ура!», который разлился по всей линии. Турук также учили кричать, но они не могли перенять это у наших. При проезде султана многие из них, по стариинному обычаю, нагибаясь, подносили правую руку к устам и голове.

Крик, гром барабанов и все это новое зрелище сперва изумило сultана и несколько смущило его...

Войска проходили перед ним церемониальным маршем два раза: повзводно и в колоннах. Во время марша заметно было, что терпение Махмуда истощалось. Под конец его мало занимали войска, гвардию же свою он едва удостоил взгляда..., более рассматривал лошадей, посадку и ловкость скакавших мимо него адъютантов.

16 апреля на эскадрах получили указ императора о присвоении М.П. Лазареву звания вице-адмирала, и в честь этого события с корабля «Память Евстафия» прогремели девять выстрелов. 23 апреля в пролив пришел пароход «Метеор», командир которого сообщил Лазареву, что корвет «Пендераклия» с чрезвычайным послом на борту, генерал-лейтенантом графом А.Ф. Орловым, примерно через час будет в Буюкдере. В тот же день Лазарев отправился на корвет нанести визит высокому начальству.

Однако еще до появления графа А.Ф. Орлова в Буюкдере присутствие военно-морских сил России на Босфоре позволило в корне переломить ситуацию: командующий египетскими войсками Ибрагим-паша остановил движение на Константинополь, и за день до прибытия чрезвычайного посла представители Турции и Египта подписали мирный договор. Турция согласилась выполнить все требования Мехмета-Али и уступила ему всю Сирию и пашалык Аданский. А.Ф. Орлову оставалось лишь выполнить высочайшее повеление: оставить флот и войска в Константинополе до тех пор, пока он окончательно не убедится в том, что египетские войска покинули Малую Азию.

Прибытие Орлова в Турцию дало английскому и французскому дипломатам новый импульс для выражения своего недовольства. На этот раз не только Франция, но и Англия стала энергично требовать от турецкого сultана немедленного удаления русского флота из Босфора. Одновременно англичане и французы подтянули свои эскадры в Восточное Средиземноморье, создав тем самым угрозу прорыва в проливы. В связи с этим небезынтересно привести реакцию графа А.Ф. Орлова на демарши западных держав. Алексей Федорович вежливо объяснил послам,

что «пока подозрительные паруса будут маячить вблизи турецких берегов, русский десант домой не уйдет. А ежели адмиралам придет в голову мысль войти в Дарданеллы, то он вызовет к себе на помощь корпус генерала П.Д. Киселева из Валахии». Английские и французские корабли вынуждены были удаститься.

У западных дипломатов вызывало сильнейшее раздражение и то, что с флагманского корабля вице-адмирала М.П. Лазарева «Память Евстафия» не забывали каждый раз салютовать прибывшим или покидавшим Буюкдерский рейд английским и французским кораблям, а также то, что русские войска во время учений или построений прямо под окнами их резиденций устраивали пушечную пальбу.

Высокий статус личного посланника императора обязывал графа А.Ф. Орлова наносить визиты различным государственным лицам и, конечно же, самому сultану. Вначале на аудиенцию к Махмуду II граф предполагал отправиться на пароходе «Громоносец», но густой туман вынудил его поехать на каюке (лодке) посланника в сопровождении драгомана-переводчика. Пароход с адмиральским катером следовал за ними. У пристани летней резиденции сultана Орлова встречали придворные чиновники, гвардия с ружьями на караул, музыканты и сераскир. Последний вместе с графом отправился в комнаты Рейс-эфенди, где в качестве угощения им были предложены кофе и курильные трубки, и ничего не значащий светский разговор продолжался в течение часа. Такой дипломатический ход был предпринят турецкими сановниками из-за того, что перед приездом русской делегации у сultана находился английский посол. После состоявшейся аудиенции сultан предложил гостям осмотреть его дворец.

Из письма начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю А.С. Меншикову от его адъютанта лейтенанта Н. Васильева

31 апреля 1833 года

Дом [султана] расположен по скату горы. Вид с верхних окон единственный, весь Константинополь и часть азиатского берега с проливом до Мраморного моря видны как в панораме. В отделке комнат видно смешение вкусов европейского и азиатского, стены украшены зеркалами, но картин нигде нет, исключая одной, на коей изображен султан на лошади и вся его гвардия во фронт. Нас ввели в одну из комнат нижнего этажа, где снова угощали кофеем, щербетом и трубками. Все время граф вдали имел довольно жаркий разговор с Рейс-эфенди, по окончании коего мы отправились на пристань, а оттуда обратно на пароходе обратно в Буюкдере. В продолжении пути на пароходе играла музыка и это привлекало множество жителей по берегам Босфора... Его Сиятельство посетил флагманский корабль Память Евстафия, где изъявил благодарность адмиралу как за чистоту и отличный порядок, так и за дисциплину на берегу в отношении жителей, о чем султан изволил несколько раз отзываться с особенной похвалой. Флоту запрещено приказом иметь сообщение с Константинополем».

ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. К. 5. № 2. Л. 149–150.

Возвращаясь обратно в Буюкдере, А.Ф. Орлов приказал поднять на пароходе «Громоносца» флаг чрезвычайного посланника. Встречая главнокомандующего, все суда эскадры построились в две линии в виде полумесяца (подражая туркам): корабли стояли во внешней линии, фрегаты — во внутренней. На эскадрах матросы были расположены по реям, и с кораблей ему было отсалютовано 17 выстрелами, на

что с «Громоносца» отвечали девятью выстрелами. Затем, пересев на адмиральский катер, Орлов вместе с Лазаревым посетил все суда и со словами: «Государь вам кланяется», — приветствовал команды. После смотра эскадр он в знак поощрения за усердную службу, образцовый порядок и удовлетворительное состояние экипажей приказал выдать всем матросам по одному рублю.

Из письма чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе графа А.Ф. Орлова начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю А.С. Меншикову

11 апреля 1833 года

Благодаря попечениям г. вице-адмирала Лазарева, эскадра наша совершенствуется по всем частям и приведена в блестящее состояние. Во внутреннем расположении судов сделаны некоторые улучшения, по части вооружения и наружного устройства также введен значительные перемены к красоте и удобству. Все суда выкрашены вновь с особыенным вкусом... Иностранцы, посещавшие наши корабли, отдают справедливость господствовавшему на оных порядку и исправности. Замечателен отзыв французского посла, который в разговоре со мной откровенно сознался, что хотя ему и было известно существование нашего флота в Черном море, однако он никак не ожидал увидеть оный доведенным до такой степени совершенства.

РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1370. Л. 1–2 об.

Из письма чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе графа А.Ф. Орлова императору Николаю I

12 мая 1833 года

Флот в отличном порядке. В.-А. Лазарев усердно старается о введении на судах порядка и чистоты... В сухопутном лагере порядок и дисциплина превосходны... Число больных увеличилось до 600 человек, в том числе в 52 егерском полку состоит 210 больных. Люди в сем полку вообще слабы, как полагают, от дурных квартир и от влияния вредных туманов Босфора. Для сбережения нижних чинов им приказано производить сбитень.

ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. К. 5. № 2. Л. 8–8 об.

В отличие от войскового лагеря, количество больных во флоте исчислялось единицами. Как начальник эскадр, М.П. Лазарев за все время пребывания флота на рейде Буюкдере старался обеспечивать экипажи не только дровами и необходимым продовольствием, но и горячим вином и ромом, который по очень высоким ценам закупали в Константинополе. В течение марта, например, было куплено 1000 ведер рома, 200 ведер уксуса и 7 тыс. пудов (примерно 114 тонн) сухарей.

Необходимо подчеркнуть, что император Николай I не преминул воспользоваться хорошим отношением султана Махмуда к России для того, чтобы вернуть через черноморские проливы балтийскую эскадру вице-адмирала П.И. Рикорда, находившуюся в Средиземном море. В 1833 году турецкое правительство с легкостью разрешило это движение, а во избежание протестов со стороны иностранных государств по факту пропуска Турцией военных судов через проливы было решено проводить корабли через Дарданеллы поодиночке,

оставляя интервал между их прохождением в несколько дней.

На 20 мая султан Махмуд назначил смотр Российской флоту. Погода в этот день стояла холодная, дул сильный северо-западный ветер и шел проливной дождь. Войска, выстроенные вдоль берега в ожидании прибытия турецкого парохода, вымокли до нитки, и граф А.Ф. Орлов отправил в Константинополь курьера с вопросом: угодно ли будет султану устраивать смотр в такую погоду? Ответ был утвердительный. К 11 ч утра на флагманском корабле вице-адмирала Лазарева уже собралось до ста человек членов турецкого правительства и высших чиновников. Российская эскадра, выстроенная в виде полумесяца на Буюкдерском рейде, встречала Махмуда II с поднятymi турецкими флагами, матросы были расставлены по реям. В это время весь дипломатический корпус прильнул к окнам посольских особняков, и среди множества лиц был замечен французский посланник адмирал А. Руссен с огромной зрительной трубой.

Из письма начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю А.С. Меншикову от его адъютанта лейтенанта Н. Васильева

24 мая 1833 года

В два часа показался пароход из-за мыса Терапия, под флагом на красном поле с золотым шифром Магомета. Пароход, проходя мимо английского шлюпа и французского фрегата, был приветствован салютом, а с нашей эскадры салют сей со всех судов произведен был 21 выстрелом, с поднятием турецких флагов. Граф Орлов и Лазарев ездили с рапортами навстречу султану на катерах под флагами, и пробыв короткое время на пароходе, возвратились на корабль. Когда пароход султана проходил мимо кораблей Париж, Адрианополь, Иоанн Златоуст, Екатерина II и Чесма, люди кричали 6 раз ура. Его Величество, приближаясь к нашему Адмиральскому кораблю, пересел на длинный, под флагом, каик, управляемый капитан-пашою, и прибыл на корабль, где встречен был: внизу на троне вице-адмиралом Лазаревым, а на шканцах графом Орловым.

Принявши рапорт от капитана, а также от дежурного лейтенанта и ординарцев, Его Величество взошел на ют и любовался беглым огнем, производившимся на берегу нашими войсками. Вошедши потом в каюту адмирала, султан остался один для переодевания, совершения молитвы и завтрака, что продолжалось около часа. После чего взошел опять на ют, сел на кресла и приказал играть музыку. Разговаривая с графом Орловым, султан сожалел о людях, подвергшихся на реях дождю; после сего сошел опять в каюту, попросил отведать матросского кушанья, похвалил оное и отправился на пароход. При отъезде кричали 6 раз ура и салютовали вторично со всего флота 21 выстрелом и разцветились флагами. Сим кончился смотр.

21 мая, в день тезоименитства Его Императорского Высочества генерал-адмирала, был обед на корабле у вице-адмирала Лазарева. Приглашены были генералы из лагеря, адмиралы с эскадры и чиновники миссии. Гости были: за здоровье Государя

Императора, Его Высочества Генерал Адмирала и графа Орлова; при сих тостах произведены были приличные салюты. В заключение граф предложил тост за здоровье обоих флотов, с желанием соединения оных.

РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1370.

Сразу же после смотра российского флота султан Махмуд, узнав о том, что здоровье русского солдата и матроса «сберегается чаркою водки», приказал немедленно прислать в лагерь и на эскадру 500 ведер водки. Дополнительно «в знак признательности за доставленное ему удовольствие во время большого смотра» экипажам кораблей

эскадры М.П. Лазарева по распоряжению султана были подарены ром, несколько быков, баранов и 60 тыс. турецких пиастров (около 15 тыс. рублей), а офицерам — французские вина и конфеты.

На этом обмен дружескими визитами не завершился и продолжился уже не на столь высоком уровне.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева

28 мая я принимал в лагере назвавшихся ко мне в гости Ахмет-пашу и сераскира. Первый приехал к обеду, другой приехал к вечеру со многими чиновниками своими. Песенники, музыка, солдатские пляски, игры и фейерверк занимали его в течение всего вечера. Старик от души забавлялся. Весь бугор наш кипел народом и веселящимися. К тому времени приехали из Буюкдере дамы, от чего еще более оживился праздник. Танцевали, пили здоровье сераскира и он, любезничая с женщинами, несколько подпил. Солдаты, ухитряясь в забавах, нашли между собою шута, которому подвязали седую бороду, надели феску^{*} и кафтан, подобный тому, какой носил сераскир. Я опасался, чтобы он не рассердился, но он был умен, принял это в шутку, и сам помирал со смеху, видя свое подобие.

Зрешище это довершилось, как обычно водится в лагерных гуляньях, качанием старшего гостя. Солдаты окружили сераскира и при громогласных криках «ура» стали вскидывать его на воздух. Такой прием несколько перепугал турок. Они не имели понятия о подобном приветствии и не ожидали его. Первое их движение было сблизиться к толпе, но успокоились, когда увидели маленькую фигуру, явившуюся над головами союзников. Старика уверили, что у русских такое обыкновение выражает самое дружеское и приветливое расположение к гостям, а чтобы более убедить его в том, выкачали и Ахмет-пашу. Оба остались очень довольными. По окончании пира их проводили с музыкой.

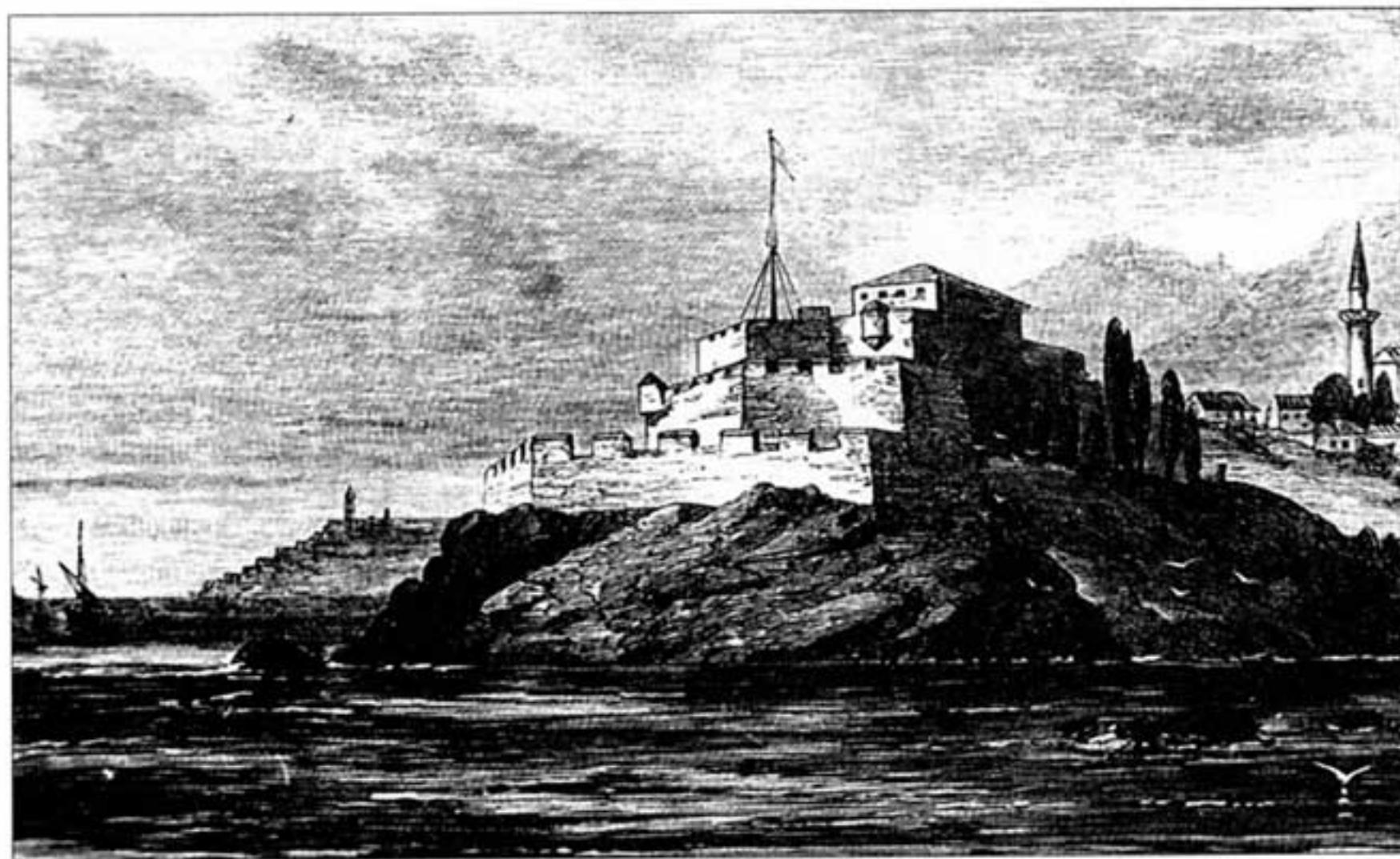
Наконец, 24 июня 1833 года в Константинополь пришло известие о том, что после заключенного мира между Турцией и Египтом последний солдат армии Ибрагима покинул Малую Азию и перешел за Таврские горы. Россия выполнила свою миссию: столица Османской империи и трон султана Махмуда были вне опасности. Граф А.Ф. Орлов подал турецкому султану официальную ноту с запросом о возвращении войск

и флота в Россию. Махмуд не стал медлить с ответом, и уже на следующий день Алексей Федорович получил положительный ответ. 25 июня в Буюкдере пышно отмечали день рождения императора Николая I. Солдатам и матросам выдали по рублю и фунту говядины, все генералы, адмиралы и офицеры были приглашены в дом посольской миссии вначале на обедню и завтрак, а вечером — на бал.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева

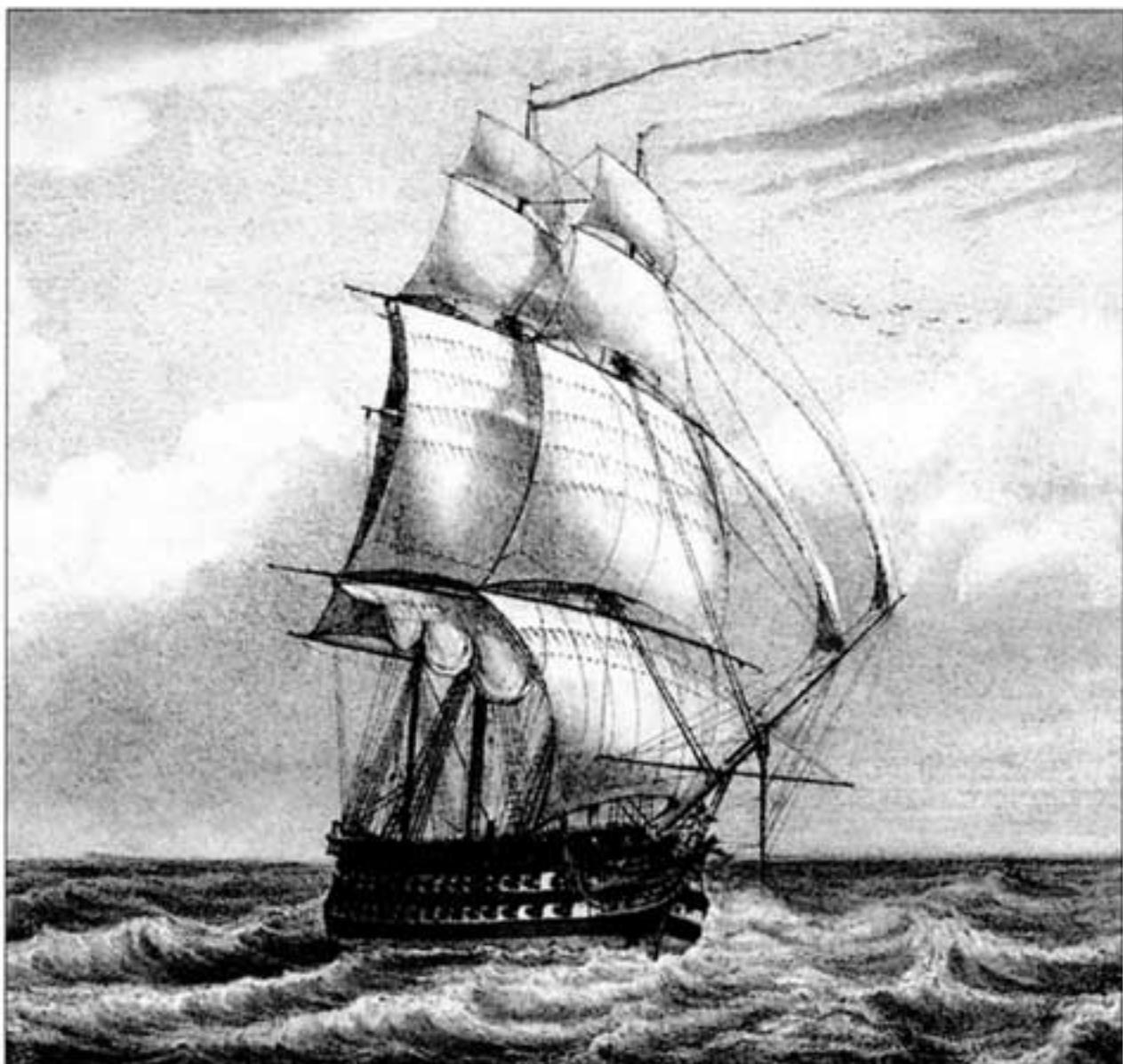
Собрание было необыкновенно многолюдное: кроме всех иностранных посланников и чиновников их, были также и турецкие чиновники, а на улице по берегу кипело народом. Несметное множество лодок со зрителями приплыло из Царьграда, и среди

* Шапочка красного цвета, какую носили знатные турки.

Турецкие укрепления на Босфоре (вверху) и Дарданеллах

них явился пароход, на коем приехал сам султан смотреть на фейерверк, пущенный с моря и сопровождаемый пальбою со всех судов. Султан не ходил на берег, и граф Орлов навестил его на пароходе. Фейерверк был отличный, как по разнообразности штук, так и по множеству их. Я заблаговременно взял у сераскира запасы, нужные

84-пушечный корабль, спущенный на воду в Николаеве 31 октября 1836 года и нареченный в память о событиях 1833 года «Султан Махмуд». С цветной литографии В.А. Прохорова

для изготовления пяти тысяч ракет, и поставил их на гору Великанов. С согласия графа Орлова велел зажечь их в самое время пальбы. Неожиданный вид огнедышащей горы за проливом отвлек на некоторое время внимание всех от фейерверка, коего изящность уступила величественной картине.

26 июня в загородном доме сераскира султан назначил прощальный прием высшим российским офицерам, на котором выступил с официальной речью. Он поблагодарил императора «за поданную Порте Оттоманской великодушную помощь» и за образцовую дисциплину морских и сухопутных сил во время пребывания на Босфоре. После короткого выступления Махмуд II лично вручил всем присутствовавшим офицерам золотые медали с бриллиантовыми украшениями.

27 июня в 12 ч дня в Буюкдере завершилась погрузка на корабли войск и артиллерии, а на следующий день в 8 ч утра флот вступил под паруса

и начал выходить из Босфора. После этого на аудиенции у султана Махмуда граф А.Ф. Орлов официально объявил об окончании экспедиции. Знаком величайшей милости султана было приглашение Орлова к своим сыновьям, старшему из которых, мальчику 11 лет, Алексею Федоровичу подарили ружье. Наследник турецкого престола поблагодарил графа за подарок, но изъявил желание иметь ружье «не столь большое и ранец со всеми принадлежностями». Младший сын турецкого султана также потребовал ружья, и Орлов успокоил его, пообещав попросить для него ружье у генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

Приказ чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе графа А.Ф. Орлова по эскадре Черноморского флота

28 июня 1833 года

Достигнута благотворная цель, для которой угодно было Государю Императору прислать флот в Царьградский пролив. Настало время вашему и моему возврату

в любезное Отечество. Расставаясь с вами, мне утешительно воздать справедливость — похвалу примерному поведению, коим вы отличались во все время вашего здесь пребывания. Оставляя Россию, вы были готовы по воле царя пролить кровь за славу Российского оружия. При помощи Божией вы не имели случая испытать сродное вам мужество. Российский военный флаг разевался мирно в виду Константинополя, за то присутствие ваше здесь ознаменовано ревностным исполнением возможных обязанностей, строгим соблюдением воинского порядка, миролюбивым и кратким обращением с войсками...

Мусульманин, недавно почитавший вас грозными врагами, видит в вас ныне искренних доброжелателей и защитников. Вы заслужили похвалу от друзей и недругов, вы доказали вновь, что русские воины, в брани и в мире, вблизи и вдалеке от очей царских, равно умеют исполнять долг свой. Государь будет вами доволен. Я благодарю вас, всегда буду гордиться тем, что Его Величество удостоил меня быть вашим главным начальником. Свидетельствуя особенную мою признательность командующему эскадрою Г-ну Вице-адмиралу Лазареву и всем Г-м Адмиралам, штаб- и обер-офицерам за неутомимое их рвение и деятельную заботливость о точном исправлении службы Его Императорского Величества. Возвратясь в Петербург, я почту для себя долгом и счастием отдать о всем верный отчет Государю Императору.

РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 2. Д. 61.

2 июля 1833 года эскадра пришла в Феодосию. Граф А.Ф. Орлов оставался в Константинополе еще в течение нескольких дней — для окончательного урегулирования всех дипломатических формальностей. 3 июля на корабле «Чесма» он отплыл в Россию. По его распоряжению в Буюкдере ровно на месяц остались один прапорщик и один рядовой егерского полка, один рядовой пехотного полка и один горнист. По личной просьбе султана, переданной через сераскира, они должны были продолжить обучение турецких солдат «фронтовой службе». Им было определено жалование: 500 турецких пиастров прапорщику и по 50 пиастров каждому рядовому.²⁵

Экспедиция на Босфор была завершена. Пятимесячное присутствие в Турции русского флота и войск было использовано для более основательного изучения босфорских и дарданельских укреплений. Командующий сухопутными войсками генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев отправлял полковника Генерального штаба А.О. Дюгамеля и инженер-полковника К.И. Бюрно в Дарданеллы для изучения крепостных сооружений. Вместе с ними Лазарев посыпал лейтенантов В.А. Корнилова и Е.В. Путятину для сбора точных данных о якорных стоянках, отмелях и течениях в Дарданельском проливе, что впоследствии помогло при со-

ставлении подробной карты пролива. Кроме того, им предписывалось обратить особое внимание на средства береговой защиты, имеющиеся в распоряжении турок на случай атаки египетскими войсками, а также выяснить точное количество орудий и размеры их калибров. Полученная информация представляла чрезвычайную важность и не утратила своей ценности даже двадцать лет спустя, ко времени начала Крымской войны.

В то напряженное время сплоченные и хорошо продуманные действия трех российских представителей — А.П. Бутенева (дипломатия), М.П. Лазарева (военно-морские силы) и А.Ф. Орлова (личный посланник Николая I) — позволили предотвратить агрессивные акции со стороны западной дипломатии и достигнуть серьезных политических соглашений между Россией и Турцией. После оказанной военной помощи и сохранения султану престола отношения между двумя государствами вступили в другую, более значимую плоскость, по сравнению с обычной дружеской.

26 июня (8 июля) 1833 года А.Ф. Орлов подписал Ункяр-Искелеский договор, заключенный сроком на восемь лет и провозгласивший русско-турецкий оборонительный союз. Договор содержал шесть явных и одну секретную статью. В первых провозглашались принципы взаимной защиты обоих го-

сударств «против всякого покушения», и в случае необходимости — право требования Турцией от России военно-морской помощи. В секретной статье предусматривалось, что в случае определенных обстоятельств Турция вместо военной помощи России должна была под любым предлогом оперативно закрыть Дарданеллы для входа иностранных военных судов.²⁶

Этот договор явился крупным успехом русской дипломатии, повлекшим взлет влияния Петербурга в Константинополе. Короткий альянс двух держав помог России обезопасить свои южные морские границы, превратив Черное море во внутренний русско-турецкий бассейн.

Несмотря на то, что все условия Ункяр-Искелессийского договора в точности еще не стали известны в Лондоне и Париже, резонанс от подписания этого документа там был легко предсказуем. По британской столице, например, прокатился девятый вал антирусской истерии, передовицы газет «The Times» и «Morning Post» захлестывала буря негодования с призывами готовить нацию к войне с Россией, пока русские не захватили крепости в Дарданеллах. Русофобская кампания росла как снежный ком. Два месяца из британского и французского посольств в Петербурге исходили словесные и письменные упреки; демонстративный протест против договора выразился прибытием англо-французской эскадры к острову Тенедос. Министр иностранных дел Англии лорд Дж.Г. Пальмерстон заявил турецкому послу, что факт пропуска русских военных судов через Проливы (имея в виду прохождение кораблей балтийской эскадры вице-адмирала П.И. Рикорда) дает английским точно такое же право прохода в силу договора от 1809 года.²⁷

В тот сложный период российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев приложил немало усилий для убеждения турецкого правительства не поддаваться угрозам и давлению. В результате англо-французская эскадра не решилась пробиваться через Проливы, снялась с якоря и покинула Тенедос. Босфорская экспедиция укрепила в глазах Европы внешнеполитический престиж России, одновременно поставив ее в ряд морских держав, с которыми нужно считаться. Кроме того, пребывание русской эскадры в Босфоре позволило продемонстрировать Западу и потенциальные военно-морские возможности России, что было взято англичанами на заметку.

Впоследствии, в 1838 году, в Константинополе, при содействии министра иностранных дел Англии лорда Пальмерстона, в противовес русским позициям был заключен обоюдовыгодный торговый договор между Великобританией и Турцией. Он стал важнейшей вехой на пути перехода Османской Порты под прочное влияние Англии и отмежевания от России.

Все успехи, достигнутые Ункяр-Искелессийским договором, были потеряны через семь лет на Лондонской конференции 1840 года, когда Россия вынуждена была отказаться от этого договора из-за желания предотвратить назревавшее столкновение с Англией. Потеря Россией всех выгод от договора была закреплена подписанием в 1841 году российским послом в Лондоне бароном Ф.И. Брунновым конвенции о Проливах. Согласно подписанным документам, Россия, Англия, Франция, Австрия и Пруссия не имели права вводить свои военные корабли в Дарданеллы и Босфор в мирное время.

Примечания

¹ Ушаков Федор Федорович (1744–1817). Русский флотоводец, адмирал (с 1799 года). Участник Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. С 1783 года служил на Черноморском флоте. В период Наполеоновских войн с 1798 по 1800 год участвовал в Средиземноморском походе российской эскадры, во время которого были освобождены Ионические острова, остров Корфу, Неаполь и Рим.

- ² Архив Внешней Политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 3238. Л. 163.
- ³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3238. Л. 144 об., 164.
- ⁴ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 859. Шильдер Н.К. Картон 5. № 2. Л. 3.
- ⁵ Барон Г.В. Розен — графу А.И. Чернышеву, 9 февраля 1833 года: ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. К. 5. № 2. Л. 182—182 об.
- ⁶ См., например: Кудрявцева Е.П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII — начале XIX столетия // Россия и Черноморские проливы. — С. 111.
- ⁷ Н.Н. Раевский — барону Ф.К. Гейсмару, 27 декабря 1832 года // Архив Раевских. Т. 2. — СПб., 1909. — С. 135.
- ⁸ Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 г. — М., 1869. — С. 5, 10, 12.
- ⁹ Там же. С. 37.
- РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1222. Л. 13—14.
- ¹⁰ Там же. Л. 3.
- ¹¹ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2980. Л. 42—42 об.
- ¹² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3417. Л. 43—45.
- ¹³ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2725. Л. 15.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3417. Л. 215.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2980. Л. 44 об.—45.
- ¹⁶ Там же. Л. 51 об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41—41 об. Подчеркнуто в документе.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 3417. Л. 19, 249.
- ¹⁹ Муравьев Н.Н. Указ. соч. — С. 191.
- ²⁰ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2980. Л. 60.
- ²¹ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1364. Л. 71—72.
- ²² Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1—2 об.
- ²³ Муравьев Н.Н. Указ. соч. — С. 282—295.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2980. Л. 168.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. К. 5. № 2. Л. 99.
- ²⁶ См.: История внешней политики России. Первая половина XIX в. — М., 1999. — С. 329—331.
- ²⁷ Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском Главных Архивах. — СПб., 1907. — С. 33.

Вниманию читателей!

Редакция приносит извинения своим читателям за ошибки, допущенные при подготовке к публикации статьи Д.М. Васильева «Немцы в Цусимском сражении», помещенной в сборнике «Гангут», вып. 42.

В правой колонке на с. 31 в п. 4 вместо «...уплачивает Обществу 3258 тыс. рублей...» следует читать «...325 тысяч рублей...»; на с. 38, в начале последнего абзаца документа № 146, вместо «Резолюция.» следует читать «Резолюция Командующего»; на с. 42, третий абзац сверху, вместо «...денежный сундук (2000 тыс. рублей)» следует читать «...(200 тыс. рублей)».

Кроме того, автор статьи приводит дополнительные данные по буксиру «Русь». В справочнике «Русский торговый флот. Список судов к 1 сентября 1905 г.» (СПб., 1906) под № 431 он значится как спасательный пароход Северного пароходного Общества, приписанный к порту Либава за № 199. Построен в 1903 г. на заводе Глиннинга, Шемера и Тенсена из стали. Располагал двойным дном, двумя дымовыми трубами, таким же числом мачт и гребных винтов. Экипаж 26 человек. Главные размерения: длина 51,81 м, ширина 9,17 м, осадка без груза 2,44 м (с грузом 4,58 м). Полная вместимость 610,8 рег. т. Главная энергетическая установка состояла из двух вертикальных паровых машин тройного расширения мощностью 1500 и. л. с. Скорость 13,5 уз.